

Империалистическая война подняла в литературе господствующих классов волну шовинизма и милитаризма (военные стихи и рассказы Северянина, Бальмонта, Сологуба, Гумилева, Столицы, Кузмина, Шмелева, Чирикова и других). Наиболее четко империалистич. устремления буржуазии отражали акмеисты. В годы войны псевдонародность буржуазной литературы дошла до пределов фальши. В то же время у некоторых демократически настроенных писателей намечалась линия гуманистически-пацифистского отношения к войне (Вересаев, Юшкевич, Гусев-Оренбургский, Неверов и др.). Пацифистские умонастроения в духе западного экспрессионизма проявились в поэзии А. Белого, М. Волошина. В стихах Блока, связанных с войной, проступают боль за народ и его страдания, отвращение к войне и предчувствие революции. Начав с оправдания войны как необходимой и последней, Брюсов освобождается в дальнейшем от иллюзий о ее высоких целях, видит ее как грязно троглодитов, как надвигающийся хаос. К прямому отрицанию войны пришел Хлебников. Художникам, не примирившимся с капиталистической действительностью, как Брюсов, Блок, Белый, Хлебников, война дала новый толчок к переоценке ценностей, подготавливала их переход на сторону революции. С наступлением войны царское правительство ликвидировало рабочую прессу, в частности большевистскую «Правду». Единственным легальным органом, занимавшим антивоенную и интернационалистскую позицию, был организованный Горьким журнал «Летопись». В своих статьях («Несвоевременное» и др.) Горький вел борьбу с шовинизмом и милитаризмом господствующей литературы. В противовес празднично приукрашенным картинам войны у буржуазных писателей, Серафимович, Подъячев, Кипен правдиво показывали страшные будни войны, куски военного быта и жизни деревни, придавленной тяжестью войны. Шедеврами антивоенной литературы были произведения Маяковского («Война и мир» и другие), в которых он разоблачал империалистическую войну, призывал к низвержению капитализма и освобождению человечества.

Война усиливала дифференциацию среди писателей. Одних она отбрасывала в лагерь буржуазии и империализма, другие еще глубже уясняли себе эго капиталистического строя, отходили от

в области литературы, которое принесла с собой Великая Октябрьская социалистическая революция.

Литература: Ленин В. И., «Соч.», 3 изд., т. XVII — Из прошлого рабочей печати в России, Радикальный буржуа о русских рабочих; т. XV — О некоторых особенностях исторического развития марксизма; т. XIV — О «Веках»; т. VIII — Партийная организация и партийная литература; В. И. Ленин, «Письма к Горькому», М., 1932; «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», под ред. Комиссии ЦК ВКП(б), [М.], 1938 (главы I—VII); Горький М., «Литературно-критические статьи», ред., введ. и комм. С. М. Брейтбурга, М., 1937; Уровский В. В., «Сочинения», т. II, Л., 1931; Луначарский А. В., «Статьи о Горьком», М., 1938; его же, «Классики русской литературы», М., 1937; его же, Предисловие к «Избранным произведениям В. Брюсова», т. I, под ред. Брюсовой, М.—Л., 1926; Благой Д. Д., «Три века...», М., 1933; Брюсов В. Я., «Далекое и близкое», Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней, М., 1912; «Русская литература XX века (1890—1910)», под ред. С. Венгерова, изд. «Мир», вып. 1—8, М., 1914—17; Серебрянский М. И., «Литературные очерки», М., 1938; Михайловский Б. В., «Русская литература XX века с десятилетиями XIX века — до 1917 г.», М., 1939; «Горький и театр», Сборник статей, М.—Л., Искусство, 1938; Горький М., «Материалы и исследования», т. I—II, Л., 1934—1936 (Литературный архив); «Литературное наследство», М., 1938, № 27/28; Бялик Б. [А.], «Эстетические взгляды Горького», Л., 1939.

Б. Михайловский.

V. Русская литература советского периода. Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новому периоду развития Р. л. Еще в 1905 г. В. И. Ленин, отстаивая партийность в литературе, в статье «Партийная организация и партийная литература» исчерпывающе охарактеризовал новый тип свободной литературы: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения „верхним десяти тысячам“, а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого [научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм] и опытом настоящего [настоящая борьба товарищей рабочих]» (Ленин, «Соч.», т. VIII, стр. 390).

коммунистического общества, в атмосфере становления человеческих отношений, не искаженных и не изуродованных эксплуататорским гнетом, литература получает особо благоприятную почву для широкого и свободного развития. Советская литература, опирающаяся на революционную практику классовой борьбы пролетариата за социализм, основывающаяся на самой передовой теории, на научном социализме Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, чужда мракобесию, мистике, поповщине; она правдива, жизненна, глубоко реалистична. Приветствуя от имени ЦК ВКП(б) I Всесоюзный съезд советских писателей (1934), тов. Жданов так определил характер советской литературы: «Наша литература является... самой идейной, самой, передовой и самой революционной литературой». Она — «плоть от плоти и кость от кости нашего социалистического строительства» (см. Стеногр. отчет съезда, изд. 1934, стр. 3).

Эту высокую оценку советская литература заслужила не сразу. История развития советской литературы представляет собою явление сложное. В процессе борьбы с буржуазными и мелкобуржуазными влияниями происходил постепенный и неуклонный рост советской литературы. Борьба за идейную самостоятельность и цельность явилась в то же время борьбой за новый стиль искусства, за новые принципы изображения действительности. Преодоление формализма и натурализма — этого наследия эпохи упадка буржуазного искусства — было существенной вехой на путях роста советской литературы.

Значительным явлением первого периода развития советской литературы было создание произведений, отражающих героические страницы народной борьбы («Железный поток», «Чапаев», «Разгром» и др.). Были созданы образы героев, преданных сынов революции, раскрыто ее всемирно-историческое значение, показана роль передовой партии, большевизма. Но в то же время наличие частично-собственнического уклада, борьба социалистических элементов с капиталистическими и вытеснение последних не могли не сказаться на литературе. Влияния враждебных теорий проявились разнообразно. Контрреволюционный троцкизм выступил с отрицанием пролетарской культуры, пытался протестовать против партийного руководства лите-

пыталось повлиять и сменовеховство — эта идеология новой буржуазии. Деидеологизацию искусства проповедывали формалисты. Партия дала решительный отпор всем этим попыткам сорвать развитие литературы и в своих решениях [резолюция XIII съезда партии о печати, резолюция ЦК РКП(б) от 18/VI 1925 г.] подчеркнула идейно-воспитательное значение литературы, поставила задачу воспитания писателей в духе социализма.

На первом этапе развития советской литературы широкое распространение имели буржуазные идеи о свободе творчества художника, об автономности искусства; они были положены в основу ряда литературных групп — «Серапионовы братья», «Перевал» и др. В других группах — «Кузница», «ЛЕФ», «Конструктивисты» — культивировался подчас дух цеховщины, самонадеянное намерение выдать свое творчество за последнее слово революционного искусства. И, наконец, для части писателей само признание революции, социализма — особенно на первых порах — приобретало подчас отвлеченно логический характер, или шло по линии превознесения стихийности.

После года великого перелома (1929) происходит знаменательный сдвиг в литературе, обусловленный общей победой социализма по всему фронту. Социализм стал реальностью, вопрос «кто кого» был решен окончательно. На этой основе было достигнуто морально-политическое единство всего многомиллионного советского народа. Проведенная согласно специальному постановлению ЦК ВКП(б) от 23/IV 1932 г. организационная перестройка литературного фронта [ликвидация РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей) и др. групп, создание единого Союза советских писателей] отвечала фактическому повороту писателей к социалистической действительности и обеспечила советской литературе исключительно богатые возможности развития. Принцип партийности теперь становится незыблемой основой творчества большинства советских писателей. С особой силой и страстностью развенчиваются (Горьким, Маяковским, Багрицким и др.) настроения буржуазного индивидуализма. Идет усиление критической направленности литературы, углубляется ее борьба с пережитками прошлого, с давлением мешанской касты. Реалистическая база нового искусства заметно расширяется, и это особенно ярко сказывается в повороте писателей

народной эпической поэзии и профессиональной литературы. Творчество народных певцов и сказителей — Джамбула, Стальского и др. — благотворно влияет на развитие всей советской поэзии.

Хотя и на последующих этапах своего развития, в процессе своего формирования советская литература не была свободна от противоречий — в тех или иных формах проступали в литературе и чуждые влияния, сказавшиеся в появлении таких произведений, в которых давалось искаженное изображение советской действительности, людей эпохи социализма, давала себя знать и натуралистическая описательность, сковывающая идейную силу искусства, — в целом развитие советской литературы шло ко все более яркому выявлению ее качественного своеобразия, как литературы социалистической, подлинно народной, глубоко гуманистической.

Советская литература занимает особое место по отношению ко всем предшествующим этапам развития Р. л. Традиции Р. л., в первую очередь периода ее классического развития, поры расцвета реализма, благотворно и живо сказываются на литературе советской эпохи. Но, выступая хранительницей великого наследия, советская литература в то же время ни в какой мере не является простым подражанием великим образцам, а представляет новую ступень художественного развития.

Изменился прежде всего самый тип писателя. Писатель классической поры развития Р. л. — это, по словам А. М. Горького, «великомученик правды ради», который все силы своей души отдавал потребности «понять, догадаться о судьбах своего народа, своей страны». Подчас догадки эти носили утопический характер, а судьба писателя приобретала подлинно мученический, трагический оттенок (Г. Успенский и др.). Писатель советской эпохи это — практический борец за народное дело. Н. Островский, Фадеев, Фурманов, Погодин, Вишневский и многие другие советские писатели пришли к творческой работе от непосредственного участия в боях гражданской войны. И самое творчество их — это своего рода оружие бойца за социализм. Общественное положение советского писателя предполагает живые, многосторонние и органические связи его с народом, с обществом.

Традиции гуманизма, демократизма, народности, составившие силу и величие литературы прошлого, приобретают в советский период принципиально новое

манизм дореволюционной литературы, принимавший сострадательный оттенок, получает теперь характер социалистического гуманизма, который предполагает классово-пролетарский принцип последовательной, непримиримой к врагам и деятельной борьбы за права человека, за его освобождение. Принцип народности, демократизма творчества также наполняется новым содержанием. в том смысле, что на первый план выдвигаются активные, революционные чаяния народа, его роль как субъекта истории, носителя общечеловеческого освобождения.

Советской литературе выпала почетная задача — показать процесс постепенного освобождения человека от всяческих пережитков капитализма, от «власти земли», от власти собственности, от «власти тьмы», — тех оков, уродовавших человеческую душу, о которых писали классики литературы. Основная тема дореволюционной литературы — «драма человека, которому жизнь кажется тесной, который чувствует себя лишним в обществе, ищет в нем для себя удобного места, не находит его и — страдает, погибает, или примиряясь с обществом, враждебным ему, или же опускаясь до пьянства, до самоубийства» (Горький) — эта тема уступила место новым темам. Советские писатели призваны показать открытый революцией широкий мир труда и борьбы, в котором творческие порывы человека находят поддержку и обогащенное развитие. Мотив «человек человеку — волк» отошел в прошлое. Единство человека и общества, личного и общественного — вот главный мотив большинства произведений советской эпохи.

Все эти изменения идейного порядка знаменуют собой сложные взаимоотношения, существующие между двумя исторически сложившимися типами искусства — литературой критического реализма и литературой социалистического реализма. Понятие социалистического реализма выдвинуто тов. Сталиным. Оно исчерпывающе передает природу нового художественного творчества, связанного с развитием пролетарской социалистической революции. Если главным завоеванием критического реализма явилась смелая, всесторонняя критика порочности буржуазного уклада жизни, «срывание всех и всяческих масок», то социалистический реализм имеет своим назначением показать действительность в ее революционном развитии, в заклю-

как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека, ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю, как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью». Принципиальной чертой литературы социалистического реализма является ее историзм, т. е. освоение действительности в ее историческом становлении, в борьбе противоречий. Устав Союза советских писателей так определяет метод советской литературы: «Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной перделки и воспитания трудящихся в духе социализма».

Литература социалистич. реализма снимает тот разрыв, то обособление реализма и романтики, которое было вызвано исторически сложившимися условиями господства буржуазных, собственнических отношений, торжеством прозы жизни, универсально проведенным принципом разделения труда. Обособление реализма и романтики, одностороннее их развитие — симптом распада искусства. Литература, обусловленная практикой пролетарской революционной борьбы, воссоединяет романтику и реализм в одно целое. Социалистический реализм дает множество форм сочетания романтики и реализма, предоставляет широкую почву для творческого соревнования. Литература социалистического реализма отличительным своим признаком имеет также глубокое чувство социального оптимизма, вырастающее на почве творческого подъема народа, на почве общих побед строительства социализма.

Своеобразие литературы советского периода состоит также в том, что эта литература интернациональна, она — дело всех народов СССР. «На всем пространстве Союза социалистических республик быстро развивается процесс возрождения всей массы трудового народа „к жизни честной — человеческой“, к свободному творчеству новой истории, к творчеству

язычная. Интернациональная, социалистическая по содержанию, она дала богатое разнообразие исторически сложившихся национальных форм творчества. В творческом содружестве народов Советского Союза в области литературы совершается постоянный процесс взаимодействия, взаимовлияния, способствующий расцвету и обогащению литературы каждого народа в отдельности.

Р. л. обладает ведущей ролью благодаря тому, что русский пролетариат был инициатором и передовым отрядом социалистического преобразования страны. На Р. л. благотворно сказались традиции, которые были выработаны в прошлом великими русскими писателями. Р. л. первая выдвинула пролетарского художника мирового значения — А. М. Горького. В Р. л. складывались новые художественные принципы социалистической литературы, она стала на деле передовой, направляющей литературой, в известном отношении явилась образцом для литератур братских народов.

А. М. Горький (1868—1936) — основоположник литературы социалистического реализма. Значение Горького в истории русской и мировой литературы исключительно велико. Это первый пролетарский писатель, сразу поставивший пролетарскую литературу на уровень выдающихся явлений мировой культуры. Творческое развитие Горького (о творчестве Горького в дореволюционный период см. выше, русская литература конца XIX — начала XX века, стб. 285/89) предопределило собой характер новой социалистической литературы и стало образцом для развития ее.

Многогранная и разнообразная деятельность А. М. Горького после Великой Октябрьской социалистической революции целеустремленна и глубоко партийна по своей основе. Социалистическая революция вдохновила А. М. Горького на создание новых произведений, подлинных шедевров художественного слова, поражающих великой силой обобщающей мысли, глубокой исторической конкретностью изображения. А. М. Горький выступил в советский период во всем блеске своего таланта, как художник-мыслитель пролетарской революции, неутомимый борец за нового свободного человека. Написанный им очерк «В. И. Ленин» остается до сих пор лучшим произведением советской прозы, рисующим гения пролетарской революции. В 1924 г. Горький опубликовывает последнюю часть своей авто-

кого оптимизмом, верой в силы человека, поднимающегося к свету. Тема судеб русского капитализма, развитая уже в дореволюционном творчестве Горького, вновь ставится писателем в «Деле Артамоновых» (1925). На истории одного рода Горький показывает историю русского капитализма от начальных стадий, от подъема до периода загнивания и полного краха. В смене поколений купеческой семьи Артамоновых вскрыта писателем опустошающая, обездушивающая сила капитализма. Если зачинатель «дела» Илья Артамонов, благодаря своим кровным связям с народом, с жизнью, выступал носителем живых черт личности, обладал творческим порывом, жаждой деятельности, то уже следующее за ним поколение — Петр, Алексей, Никита — отмечено печатью вырождения. Погоня за активной выработкой в Петре классовую черствость, жестокость, приводит к душевной опустошенности, а само «дело» выступает теперь в качестве фетиша, подавляющего и уродующего душу человека. Третье поколение Артамоновых — типичные представители буржуазного паразитизма, загнивания, внешне прикрытого политическим активизмом (Миرون и др.). Глубоко враждебный вульгарному социологизму, А. М. Горький дает не схемы классово обусловленных людей, а живые образы, с своей индивидуальной судьбой, воспроизводящие в своей совокупности живую историческую действительность прошлого.

Пореволуционная драматургия Горького оказала значительное влияние на развитие советского театра (см. ниже, *русский театр*, стб. 442). Задуманная Горьким трилогия органически связана со всем его творчеством. Горький успел создать две пьесы из трилогии — «Егор Булычев и другие» и «Василий Достигаев и другие». Мир капиталистов показан здесь в канун Великой Октябрьской социалистической революции и в период ее завершения. Сама обстановка создает остро драматические конфликты, способствует полному обнаружению сложных, своеобразных характеров. Образ Булычева — великое достижение художника. В образе Достигаева Горький дал типическое обобщение буржуа-приспособленца, активного врага революции, прикрывающегося маской лояльности.

Вершинным произведением пореволуционной поры творчества А. М. Горького является «Жизнь Клима Самгина», энциклопедия русской жизни, идейно-

Горького. В ней обобщается и связывается воедино множество тематических линий, развитых Горьким за его многолетнюю писательскую деятельность. Это произведение проникнуто пафосом писателя-большевика, до конца избличающего буржуазный индивидуализм в его многочисленных проявлениях. Центральный образ эпопеи — Клим Самгин — в его враждебности революции, народу, человечности, разуму предельно полно выявлен Горьким. Клим Самгин — это образ двурушника, органического предателя интересов революции, человека, внутренне опустошенного, обездушенного, прикрывающего свою никчемность игрой в словесные дефиниции, «системой фраз». Эпопея насыщена глубокой верой писателя в народ, в его силу, в ней широко развита тема героической большевистской борьбы, показано поколение профессиональных революционеров (Кутузов и др.). Чрезвычайно велико значение созданной Горьким эпопеи для развития советской литературы. «Влияние художественного слова Горького на судьбы нашей революции непосредственнее и сильнее, чем влияние какого-либо другого нашего писателя» (Молотов В. М., «Статьи и речи», 1937, стр. 238—239).

На всем протяжении своей деятельности Горький отдает на службу народу, революции не только свой талант писателя, но и свой организаторский талант и острое публицистическое перо. Он заботливо выращивает кадры писателей, следит за каждым проявлением таланта, помогает писателям. Его влияние на формирование советской литературы неизмеримо; он — неутомимый борец за метод социалистического реализма, за чистоту языка, за подлинную народность литературы. Горький выступает как инициатор и основоположник важнейших культурных мероприятий эпохи. Он был зачинателем издания «Истории гражданской войны», «Истории фабрик и заводов», инициатором и первым редактором изданий: «Серии замечательных людей», «Истории молодого человека», «Исторических романов», «Библиотеки поэта» и ряда других. Кипучая творческая и организаторская деятельность Горького безмерно обогатила советскую культуру. Она оказала также прямое и непосредственное влияние на развитие мировой литературы. Творчество Горького помогло писателям Запада — Анри Барбюсу, Андерсену-Нексе и др. — понять и полюбить родину социализма, СССР.

приобрела мировое значение («Прекрасная Франция», «Заметки о мешанстве» и др.). После революции неутомимый борец за великое дело революции, за дело Ленина, Сталина, Горький создал шедевры публицистики, проникнутые чувством горячего патриотизма и остро-непримиримой ненависти к врагам, предателям революции. Писатель-трибун Горький чутко отмечал все, что знаменует рождение нового, социалистического мира, и столь же остро реагировал на проявления индивидуализма, мешанства. Свое огромное дарование художника, публициста, свой темперамент подлинного революционера Горький отдал делу социализма. Он воплотил в себе новые черты писателя эпохи революции. Именно Горький и является подлинным родоначальником пролетарской, социалистической литературы в нашей стране и в глазах трудящихся всего мира» (Молотов В. М., «Статьи и речи», 1937, стр. 239).

Вопросы создания новой литературы встали сразу же после образования советской республики. Партия большевиков и непосредственно вожди ее Ленин и Сталин проводят большую работу по мобилизации сил художников, по привлечению их к практической работе и их перевоспитанию. В обстановке, мало благоприятной для развития искусства (блокада, интервенция), развертывалась интенсивная деятельность в области культуры: издаются альманахи, сборники, переиздаются произведения классиков, ставшие национальным достоянием. Проблема привлечения лучших писателей, создание новых кадров из рабочих и крестьян остро ставилась эпохой. Горький и Луначарский проводят интенсивную работу по организации сил писателей.

Великая Октябрьская социалистическая революция заставила писателей четко и ясно определить свое отношение к всемирно-историческим событиям. Эмигрируя, такие писатели, как Мережковский, Бунин, Л. Андреев и др., окончательно порывают связь с народом, что приводит их к творческой смерти.

Но лучшие представители предреволюционной литературы — А. Блок, В. Брюсов, А. Белый, С. Есенин, В. Хлебников и др. — связывают себя с революцией и своей деятельностью открывают новый этап поэзии.

А. А. Блок (1880—1921; см.) создает поэму «Двенадцать» (1918) — первую поэму о революции в истории советской литературы. Свое глубокое сочувствие

миру, представители которого зарисованы им в остро-сатирическом плане. Революция вдохновила Блока на создание большого пафосного искусства. Поэма «Двенадцать» отчетливо ориентирована на народное творчество, ей придана эпическая устремленность. В. Я. Брюсов (1873—1924; см.) в стихотворениях пореволуционной поры (сб. «В такие дни», «Дали», «Меа») передает чувство гордости за Россию — носительницу идей исторического обновления мира. В революции Брюсов видит осуществление чаяний счастья, свободы, разума, творческого дерзания. Сочувствие новому миру отражает пореволуционное творчество В. В. Хлебникова (1885—1922; «Ночь в окопах», «Ночь перед Советами», «Ладомир» и др.).

На первых порах развития революции складывались многочисленные литературные группы, объединенные общностью творческих исканий. Широкою деятельностью развернули «Пролеткульт» и футуристы. И та и другая группы претендовали на создание нового искусства, потребного революции. Теоретическую базу «Пролеткульта», возникшего еще до революции, составили меньшевистские воззрения А. Богданова о создании «чистой» узкоклассовой пролетарской культуры, как выражения столь же «чистого» опыта пролетарского сознания. На деле разговоры о пролетарской культуре таили в себе проповедь буржуазных взглядов на искусство, полное непонимание диктатуры пролетариата как особой формы союза рабочего класса и трудящихся масс крестьянства, резкое обособление от общенародной жизни. В творческом плане поэты «Пролеткульта» шли в русле патетико-романтической поэзии, воспевали победную мощь революции, ее размах, но влияние идеалистических воззрений Богданова влекло их на путь абстрагированного, «космического», очень далекого от реальной действительности, прославления революции вообще, как «титанического действия», и обусловило их рабскую зависимость от образцов декадентской поэзии. Активная деятельность футуристов, сохраняя внешне весьма революционную оболочку, также расходилась с ленинскими принципами культурной революции. Принцип идейно-содержательной, партийной литературы они подменяли теорией «делания вещи» и тем самым представляли на литературном фронте опасность формалистического опустошения искусства. Непримируемая

стической «заумью», стала базой для развития подлинно революционной литературы.

Период военного коммунизма отмечен преобладанием поэзии. Абстрактно-космическую поэзию создавали поэты «Кузницы» и «Пролеткульта». Реалистическая поэзия, отражающая события современности, борьбу молодой Советской республики за свое существование, начинает свое развитие уже в этот период. Выдающаяся роль в создании этой поэзии сыграл В. В. Маяковский (1893—1930). Жанр политической поэзии («Окна Роста» Маяковского, Э. Багрицкий и др.) приобрел уже в первые годы существования пролетарской диктатуры исключительное значение. Для Маяковского, по его собственному признанию, работа в «Окнах Роста» (см. *Русское искусство советского периода*, стб. 598) была необходимой ступенью в решении задачи создания социалистической лирики. Маяковский своим творчеством определял линии развития всей советской поэзии. Уже в первые годы революции его поэзия составляет самое крупное, самое выдающееся достижение молодой советской литературы. Творческий диапазон Маяковского необычайно широк. Сатирическое разоблачение врагов революции, проведенное в многообразных по жанру образцах (басня, фельетон и др.), сочетается в творческой практике Маяковского с пафосно-лирическим воспеванием революции. Революция как обновление мира, как воссоздание человечности и красоты, поправленной господством собственнических отношений, составляет лейтмотив таких произведений Маяковского, как «Мистерия Буфф» с ее уничтожающей сатирой по адресу «чистых», как поэма «150 000 000». В последней Маяковский с необычайной страстностью показал процесс пробуждения угнетенных масс, которые преодолевают на своем пути все препятствия капиталистического мира. С первых же дней революции Маяковский повел решительную борьбу с эстетизмом, с бездейственностью искусства, с обособлением лирической темы от общественной; он выступил подлинным новатором социалистического искусства.

С окончанием гражданской войны и переходом к восстановлению разрушенного хозяйства литература получает широкую материальную базу для своего развития. В годы 1921—23 начинают выходить журналы «Молодая Гвардия», «Красная

нов, Фадеев, Федин, Л. Сейфуллина, Малышкин, В. Иванов, Тихонов, Безыменский и др.). Многие из названных писателей обогатились опытом активного участия в боях за Советскую власть.

Но в то же время на почве оживления частно-собственнических элементов, в связи с введением нэпа, усиливается влияние на молодую советскую литературу враждебных буржуазных теорий. В резолюции ЦК ВКП(б) от 18/VI 1925 г. была особенно отмечена сложность хозяйственного процесса тех лет, «одно-временный рост противоречивых и даже прямо друг другу враждебных хозяйственных форм», который не мог не вызывать усиления буржуазных влияний, сказавшихся, в частности, и на литературе (см. «Справочник партийного работника», вып. 5, [1925], стр. 349). Образуется множество литературных течений, групп (РАПП, ЛЕФ, конструктивисты и др.), по-разному ставящих проблемы творчества. В новых условиях задачи идейного влияния на литературу, коммунистического воспитания писателей встала со всей остротой. В резолюции ЦК ВКП(б) 1925 г., определившей задачи и линии развития советской литературы, партия, отмечая, что фронт литературы является ареной борьбы, предостерегала от администрирования, командования, указывала, что ни одна из существующих литературных групп не может брать на себя право быть законодателем литературных норм. С особой силой подчеркивалась необходимость глубокого идейного, коммунистического влияния на писателей, выдвигалась роль большевистской критики.

Если в первые годы революции первенствующее значение в литературе приобрела поэзия, то с переходом к восстановительному периоду преобладающее значение приобретает проза. Широкое распространение получает так наз. орнаментальная проза — своеобразные стилизаторские искания, связанные с деятельностью группы «Серапионовы братья» (М. Зощенко, В. Каверин, В. Иванов, М. Слонимский, К. Федин), но не исчерпывающиеся творчеством только этой группы. Следы орнаментализма носят ранние произведения В. С. Иванова (р. 1895 г.) — «Бронепоезд 14-69», «Партизанские повести», — где даны необычные метафоры, выдержан сочный колорит таежной партизанской жизни на Дальнем Востоке. Сказовые интонации характерны для начальной стадии творчества Л. М. Леонова (р. 1899 г.) — «Бурыга», «Петушихинский

Тяготение к орнаментализму возникало в связи с разными потребностями. С одной стороны, склонность к стилизации обнаруживали те писатели, которые воспринимали революцию как проявление российской стихийной мощи, но не подымались до осмысления пролетарской целеустремленности, организованности революции. С другой стороны, орнаментализм возникал в результате ярко выраженной потребности художников новой эпохи демократизировать литературу. В литературу в качестве художественных объектов вводились целые пласты неисследованного ранее жизненного материала, а в центре внимания вставал разношерстный трудовой люд, обитатель глухих углов страны. Своеобразной попыткой передать этот поворот и была для некоторых писателей установка на сказовость, на необычные метафорические сопоставления и широкое использование жаргонов. Наконец, нельзя не отметить, что орнаментализм в какой-то мере явился таю же и своеобразным преломлением формалистических теорий искусства, которые в ту пору давали себя знать в литературоведении.

Лишь постепенно изменяя свои взгляды на характер и природу революции, глубже постигая ее социалистическое содержание, писатели отходят от идеализации крестьянско-партизанской стихийности, по-новому переосмысливают действительность, находят свой путь к литературе социалистического реализма. Основным устремлением становится простота повествования, потребность познать, понять и показать величие коренных целей революции, разрешаемых под руководством большевистской партии.

Центральной темой творчества советских писателей восстановительного периода явилась тема гражданской войны. Разрабатывая эту тему, писатели получили возможность показать высокий моральный облик народа, борьбу за счастье человечества. Народ стал главным героем лучших произведений советской литературы. Так созданы были широкие эпические полотна: «Чапаев», «Мятеж» Д. Фурманова; «Железный поток» А. Серафимовича; «Разгром» А. Фадеева; «Партизанские повести» В. С. Иванова; «Падение Дaira» А. Малышкина и др.

Д. А. Фурманов (1891—1926) с присущей ему обоснованностью и достоверностью повествования показал в образе Чапаева представителя трудящихся масс русского народа, который, освобождаясь

ности. В «Мятеже» огромная воспитательная роль пролетарской революции показана писателем в драматических условиях столкновения со стихийностью, вольницей. Созданием положительных героев — Чапаева, Клычкова и др. — Фурманов показал те неограниченные творческие возможности, которые социализм раскрыл для советской литературы. Опубликованный в 1924 г. «Железный поток» А. С. Серафимовича (р. 1863 г.; см.) — это «классическое произведение», как указывалось в приветствии ЦК в дни юбилея писателя, — с особой силой подчеркнул народный характер нового искусства. Сочетание пафосно-романтических тенденций с глубоко реалистической основой сюжета дало Серафимовичу возможность показать силу пролетарской революции, которая из стихийно-настроенной, неорганизованной массы создала новый человеческий материал, сознательно связывающий свои интересы с интересами революции. «Железный поток» — это своеобразная поэма человеческого возрождения. А. А. Фадеев (р. 1901 г.) в «Разгрома» раскрыл становление нового человека (Метелица, Морозко, Левинсон) и дал в образе Мечика уничтожающее разоблачение мелкобуржуазной революционности, питающейся «зоологическим индивидуализмом» (Горький).

Уже в первые годы после гражданской войны перед писателями встала тема социалистического строительства. Ярким типом «производственного» романа явился «Цемент» (1925) Ф. В. Гладкова (р. 1883 г.). Пафос восстановления разрушенного хозяйства, утверждение нового человека, ощущающего себя хозяином жизни, составили отличительную особенность романа, которому придана патетическая страстность, приподнятость. Далее, Н. Н. Ляшко (р. 1884 г.) дает повесть «Доменная печь», несколько позже И. Ф. Жига (р. 1895 г.) пишет книги очерков о рабочих («Думы рабочих», «Новые рабочие»), начинает свой путь писателя М. Ф. Чумандрин (1905—1940), автор ряда производственных романов. Однако все эти произведения еще отмечены печатью бытовизма и отягощены натуралистическими подробностями. На этом же этапе развития Р. л. были созданы произведения о новой деревне, ставшей в центре внимания ряда писателей. Продолжают свою творческую деятельность писатели, сложившиеся еще в до-революционную пору, — С. П. Подъячев (1865—1934), А. С. Невзоров (1886—1923).

«жуткой правды» (Горький) старой деревни (см. выше, стб. 279), существенно видоизменяют их повествование. Характерным произведением о деревне тех лет явилась повесть Л. Н. Сейфуллиной (р. 1889 г.) «Перегной». Здесь дана картина пробуждения деревни, революционной ее ломки. И хотя Сейфуллина в центре внимания ставит носителей стихийности, смутных инстинктов о свободе (образ Сафрона), хотя ею сгущенно показаны всяческие несообразности в ходе переделки деревни, однако в целом произведение утверждало силу революции, поднявшей огромные пласты веками забитых, изуродованных людей. Сейфуллиной принадлежит заслуга создания первого в советской литературе яркого образа женщины. Путь Виринеи (повесть «Виринея») — от глухого протеста против старых норм жизни к сознательному участию в революционной борьбе — это путь духовного возрождения женщины. Роман Л. Леонова «Барсуки» (1924) повествовал о столкновении пролетарской сознательности с мелкобуржуазной мужицкой стихийностью, со старой Зарядьевской Россией. О коренной переделке крестьянского мира повествует А. А. Караваева (р. 1892 г.) в своем романе «Лесозавод».

Тогда же создается множество произведений о деревне писателями, вышедшими из крестьянства. Приобщение их к творческой деятельности — показатель успехов культурной революции. Создается Всесоюзное общество советских крестьянских писателей. Крестьянская литература повернулась к новым явлениям деревенской жизни, к закреплению союза трудящегося крестьянства с рабочим классом. Внимание писателей сосредоточивается на мотивах высвобождения крестьянства от вековых пут, от «власти тьмы», от собственных инстинктов. Дифференциацию в деревне, деревню, находящуюся в состоянии острой классовой борьбы, показали П. И. Замойский (р. 1896 г.; «Ляпти»), К. Я. Горбунов (р. 1903 г.; «Ледолом»), Н. И. Кочин (р. 1902 г.; «Девки») и др. писатели.

Большинство произведений крестьянских писателей отличалось, однако, перегруженностью деталями бытового порядка, описательным характером. Самая критика пережитков прошлого не была достаточно последовательной, ей не ставало перспективности, остроты, подчас в ней преобладали своего рода проповедительские установки. Однако в целом

Деревню эпохи перелома, перехода от старых форм к новым, социалистическим, отобразил Ф. И. Панферов (р. 1896 г.), опубликовавший в 1927 г. первую книгу своей многотомной эпопеи о советском крестьянстве — «Бруски». Процесс социалистической переделки деревни показан в романе Панферова как условие материального и духовного возрождения деревни, как ликвидация ее вековой отгороженности от города, от культуры. На судьбах своих героев — Ст. Огнева, К. Ждаркина, Н. Гурьянова — показывает Панферов глубоко отрицательную власть собственности.

На почве нэпа проникают в литературу кулацкие настроения. Острая неприязнь к пролетарскому городу, идея самостийного развития деревни, затушевывание классовой борьбы, картина «запечного рая», сытости, благодущия — таково содержание кулацкой поэзии с ее нарочито сусальными архаистическими, религиозными образами. Даже самая форма стиха имела во многом сходство с псалмами, с духовным стихом.

Особое место занимает С. А. Есенин (1895—1925). Как поэт Есенин сложился до революции (см. выше, стб. 293). Его творчество явилось выражением глубоко искренних лирических чувств человека, его близости к природе, искреннего восхищения ею. В своих воспоминаниях А. М. Горький так характеризует талант Есенина: «После этих стихов невольно подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой „печали полей“, любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком». Горький подчеркивал, что Есенин «своеобразно талантливый и законченный русский поэт» (см. Горький, «Литературно-критические статьи», 1937, стр. 287). Великую Октябрьскую социалистическую революцию Есенин приветствовал, но не понял ее глубокого содержания. Лирический талант его оставался преимущественно интимным. Если Маяковский-лирик был выразителем общественных чувств человека, его политической зрелости, активности, то Есенин-лирик в сущности замкнут в сфере настроений личного порядка. Чувство разлада с действительностью ярко выражено в творчестве Есенина. Его попытки подойти к большому социально-историческим темам («Двадцать шесть», «Русь Советская» и др.), к эпическим жанрам

чал свое отставание от времени. Разлад с действительностью сказался в прославлении кабацкой вольницы («Москва кабацкая»), в поэтизации старых форм деревенской жизни, патриархальности.

Большое место в развитии советской литературы в первые годы занимала тема судеб интеллигенции в революции. В ряде произведений центральным моментом являлось изображение сложных моральных и политических исканий интеллигенции, обремененной грузом прошлых привычек и предрассудков. На фоне исторических событий — войны, революции — проходит в таких произведениях судьба человека, ищущего оправдания и событий и своему поведению. Изображалось крушение иллюзий интеллигенции, критиковалась отвлеченность и утопичность ее гуманизма, оказавшегося несостоятельным. Распространенность этой темы в восстановительный период объясняется процессом дифференциации, ломки старых воззрений, происходившим в среде интеллигенции. Писатели-интеллигенты в те годы напряженно стремились определить свое «место в рабочем строю», и тема интеллигенции вставала в их сознании как тема судеб творчества, судеб искусства в условиях революции.

Иллюзии интеллигентского индивидуалистического сознания и полное крушение этих иллюзий — такова тема опубликованного в 1924 г. романа «Города и годы» К. А. Федина (р. 1892 г.), романа, исключительного по мастерству обрисовки коллизий. Но, изображая крушение индивидуализма, писатели подчас не были последовательными, не всегда осуждали своего героя. Иногда они склонны были смотреть на действительность глазами этого героя. Вместо принципа партийности творчества, в произведениях подобного типа звучали стремления писателей занять позицию нейтрального описания противоречий между личностью и обществом. Крушению индивидуализма придавался трагедийный характер. Груз непреодоленных индивидуальных устремлений мешал понять новую действительность в ее высоко человеческом значении. Своеобразие художественной формы этих произведений состояло в ориентации писателей не на воссоздание объемной эпической картины жизни, а на психологическое повествование, на воспроизведение тонких субъективных переживаний в их изменчивости. Подчас фабула произведения была нарочито усложненной, широко вводились в повество-

усложненный мир интеллигентских переживаний.

Другую группу произведений об интеллигенции составили те произведения, в которых центральной была тема прихода интеллигенции к революции. Образцом произведений этого типа является пьеса К. А. Тренева (р. 1877 г.; см.) «Любовь Яровая» (1927). Пафос этой пьесы — победа принципов революции, высвобождение от власти мелкобуржуазных чувств. К этому же типу принадлежит роман К. Федина «Братья». В образе композитора Никиты Карева Федин показывает великую силу революции, открывающей путь к творчеству.

Наконец, третья группа произведений об интеллигенции отличительным своим признаком имела остро разоблачительное отношение писателей к носителям «зоологического индивидуализма». Эту тему раскрыл с присущей ему смелостью писателя-большевика А. М. Горький в «Жизни Клима Самгина» (см. выше). В восстановительный период разоблачение буржуазного индивидуализма представлено пьесой А. М. Файко (р. 1892 г.) «Человек с портфелем», а особенно стихотворениями В. Маяковского, Э. Багрицкого и др. произведениями более позднего времени.

Большое значение эта тема приобрела и в творчестве А. Н. Толстого (р. 1882 г.; см.). Уже в первой части трилогии «Хождение по мукам» — романе «Сестры» (1920—1922) — проявляется критическое отношение писателя к носителям буржуазных идей, к либералам типа Смоковникова, Булавина и др. А. Толстой вскрывает опустошенность, моральное убожество этих людей. Вторая часть трилогии — роман «Восемнадцатый год» (1925) — строится уже не по традиционному образцу семейно-бытового романа, а как эпопея гражданской войны, основанная на широком включении исторических фактов, показывающая общественное содержание человеческих судеб. В этот же период в «Рукописи, найденной под кроватью» А. Толстой в мастерской стилизации дал исповедь белоземлянца, вскрывающую полную деморализацию, разложение людей, выброшенных за борт революцией. В «Убийстве Антуана Риво» та же тема морального разложения буржуа дополняется обобщенной картиной послевоенного буржуазного общества во Франции. В «Ибикусе» в гротескных образах показаны превращения русского обывателя, попытавшегося в усло-

Создателем оригинальных сатирических произведений выступил *М. М. Зощенко* (р. 1895 г.). Главный объект сатирических рассказов и повестей Зощенко («Сентиментальные повести», «О чем пел соловей» и др.) — обыватель с присущими ему медкими чувствованиями, мелочами его пошленького, построенного на расчете существования. Задачи обличения мелкого человека, обывателя связаны у Зощенко со стремлением к «выпрямлению», росту человека.

Значительным вкладом в советскую сатиру были романы *И. Ильфа* (псевдоним *И. А. Файнзилберга*; 1897—1937) и *Е. Петрова* (псевдоним *Е. П. Катаева*; р. 1893 г.) «Двенадцать стульев» и, написанные позже, «Золотой теленок», «Одноэтажная Америка» и др. Сатире Ильфа и Петрова присущ оптимистический характер, горячая вера в победу социализма, которая помогает острее разоблачать мир мелочных, пошлых чувств захребетников, бюрократов.

Гуманистическая по характеру, советская сатира противостояла традициям буржуазной предреволюционной сатиры, представленной после Октября творчеством Замятина, например. Подлинно советская сатира несет знамя веры в человека и бичует тех, кто утратил человеческое достоинство. Советская сатира оптимистична. Если сатира, развивавшаяся в русле критического реализма, выражала отрицательное, гневное отношение писателей к современной им рабьей действительности, то теперь, когда победила революция, сатира уже не ограничена целями отрицания, она стремится к утверждению правды революции; свою борьбу с пережитками прошлого она делает составной частью утверждения нового общественного уклада. Происходит соединение сатирических элементов повествования с реалистическим изображением действительности, с лирическим воодушевлением писателя.

Особое место в советской литературе занял *М. М. Пришвин* (р. 1873 г.; см. XI, 690/91), тонкий мастер художественного слова, прекрасный знаток жизни природы. Им созданы высоко поэтические произведения — «Родники Берендея», «Журавлиная родина», «Жень-Шень», «Кашеева цепь», — в которых слита тонкая наблюдательность художника, достигающая научной достоверности, с глубоким проникновением в поэтические истоки творчества.

В развитии поэзии этих лет, так же как

дят новые кадры — *А. И. Безыменский* (р. 1898 г.), *А. А. Жаров* (р. 1904 г.), *М. А. Светлов* (р. 1903 г.), *М. Голодный* (псевд. *М. С. Эпштейна*; р. 1903 г.) и др., активно выступают *Н. Н. Асеев* (р. 1889 г.), *В. А. Луговской* (р. 1901 г.), *Э. Г. Багрицкий* (1897—1934), *Н. С. Тихонов* (р. 1896 г.), *В. М. Саянов* (р. 1903 г.) и др.

Борьба с космизмом, за реалистическую лирику в отдельных стихотворениях Безыменского получила полемическую заостренность («О шапке», «Городок» и др.). Поворот к реализму означал рост советской поэзии. Однако, для некоторых поэтов при этом наметилась и опасность ограничения поэтического голоса. Лирический герой некоторых поэтов — оптимистически настроенный молодой хозяин республики — подчас отличался примитивностью чувств.

Поворот к реализму ярко обозначился в творчестве старшего поколения поэтов, сложившихся еще до революции (Асеев, Багрицкий и др.). В их стихотворениях встает новый, свободный мир, завоеванный революцией, они обращаются к конкретным темам социальной жизни. Этот поворот к реализму не умалял значения для поэзии романтических тенденций. Поэтом-романтиком вошел в советскую литературу *Э. Багрицкий*. Его ранние пореволюционные стихи шли в направлении, с одной стороны, политической лирики (работа в Одесском РОСТА), с другой — лирики обнаженно-романтической, несущей на себе следы книжных влияний («Сказание о море...» и др.). В книге стихотворений «Юго-запад» (1923—1928 гг.) Багрицкий дает восторженное, романтико-идиллическое прославление жизни. Мир открыт поэтом во всем блеске его красок, могучем проявлении сил («Джон — ячменное зерно», «Весна» и др.). Лирический герой Багрицкого этого периода — вольный странник Дидель, Тиль Уленшпигель, а высшее благо жизни — свобода. В романтико-идиллическом восприятии жизни с особой силой подчеркивались демократические симпатии поэта, его ненависть к покою, сытости, застойности («Трактор», напр.). Позднее Багрицкий переживает своеобразный кризис общеромантического восприятия действительности. Так появляются стихотворения «От черного хлеба», «Поэт и соловей» и др. Замечательная «Дума про Опанаса» (1926) составила новый этап в развитии поэта. Основанная на традициях народного творчества, «Дума про Опанаса» эпически рисует кар-

жани романтики Багрицкого (образы Когана, Котовского) и открывает новую ступень его творчества.

Ярко романтическую окраску получает творчество *Н. Тихонова*, *М. Светлова*, *М. Голодного*. Герой стихотворений Тихонова (сборники «Орда», «Брага») — бесстрашный воин революции. В стихотворении Светлова «Гренада» глубоко поэтично передан мотив интернациональной солидарности.

Вершиной советской поэзии этих лет попрежнему была поэзия *В. Маяковского*. По определению тов. Сталина, Маяковский «был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». Маяковский проявляет себя в эти годы многообразно. Он выступает поэтом-сатириком, обличителем «дряни», пошлости, пережитков прошлого, задерживающих поступательное движение к коммунизму. В своих стихах Маяковский с большой силой и страстью борется с проявлениями цинизма, бездушия, политической аморфности. Мастерство сатирика сочетается у Маяковского с патетикой, с лирическим воодушевлением, выражающим новые чувства гражданина Советского Союза. Маяковский стал создателем новой, социалистической лирики («Товарищу Нетте», «Стихи о советском паспорте» и др.). Свообразие его лирики заключается в органическом сочетании личного и общего. В ней преломлены все важнейшие явления действительности и каждое из них глубоко прочувствовано поэтом, осмыслено им в перспективе революционной борьбы. Эти чувства — органическая связь поэта с классом, с партией, чувство советского патриотизма, готовность отдать жизнь за революцию, сознание необычайно широких перспектив творчества, дерзания, деятельности. Характерные для большинства произведений Маяковского переходы от гротеска к патетике, от лирического воодушевления к точной датировке определили строй социалистической лирики.

Маяковский явился новатором и в создании эпических жанров в поэзии. Его поэмы «Ленин» (1924—25), «Хорошо» (1927) отличаются широким охватом действительности, цельностью ее восприятия, лирической приподнятостью повествования, партийностью. Созданный им образ Ленина непревзойден в советской поэзии.

Вслед за Маяковским к разработке эпических жанров обращаются *Н. Асеев*, *И. Сельвинский*, *Б. Пастернак* и другие поэты. В поэме «Семен Проскаков»

(р. 1899 г.) показал острый момент классовой борьбы с кулачеством. «Улала-евщина» написана сочными, красочными мазками, передающими страстность борьбы, хотя Сельвинский, склонен был преувеличивать силу стихийности. Эпическая тема заняла заметное место в творчестве *Б. Л. Пастернака* (р. 1890 г.) — «1905 год», «Лейтенант Шмидт». Однако основное русло поэзии Пастернака — интимная лирика, необычайно сложная, условная по поэтическим ассоциациям («Сестра моя — жизнь», «Темы и вариации» и др.).

Расширение и обогащение реалистической базы советской литературы происходило на основе преодоления тенденций натурализма, бытописательства, поэтизации сил стихийности, индивидуалистических устремлений. Эти, так сказать, внутренние болезни роста молодой советской литературы осложнялись наличием внешних враждебных влияний. Троцкисты, разбитые в открытых боях по лит.-политическим вопросам и завуалировавшие свое наступление на советскую литературу разработкой «чисто» творческих вопросов, усилению пропагандировали идею об интуитивизме как основной базе художественного творчества. Смысл их пропаганды сводился к стремлению обособить художника от действительности, от революции, от партии, узаконить безыдейное искусство, опирающееся на «непосредственные впечатления». Организационным оплотом этих «теорий» была группа «Перевал», но такую же интерпретацию творческих проблем давали пробравшиеся к руководству РАПП позднее разоблаченные враги народа. Наряду с интуитивизмом в ходу были также формалистические извращения. В литературоведении тех лет, особенно в 1920—23 гг., проявила себя активно школа формалистов («Опояз» — «Общество по изучению поэтического языка»). Искусство понималось здесь как прием, как техника «делания вещи». Задачи исследования сводились к определению приемов автора, и полностью отрицался идейный, политический момент творчества. Формалистические принципы преломились и в творческой практике таких литературных группировок, как «ЛЕФ» и конструктивисты.

В литературе тех лет сказалась также некоторая растерянность части писателей перед нэпом. Так, в романе *Л. Леонова* «Вор», в «Среднем проспекте» *М. Слонимского* (р. 1897 г.) нэп интерпретиро-

нов преувеличивал силу мелких человеческих чувств, хранил скептическую мысль об их непреодолимости. Главный герой «Вора» — Дмитрий Векшин, в прошлом активный участник гражданской войны, теперь волей автора принужден жить в воровском подполье, так как нормальная жизнь претит ему своей размеренностью. Роман этот пессимистичен, написан в духе надрывного психологизма, «подпольных» настроений Достоевского.

Преувеличенное представление о силе эмпатической стихии давали некоторые рассказы А. Толстого — «Голубые города», «Гадюка». В повести «Трансвааль» К. Федина образ кулака Сваакера представлен в качестве могущественной силы новой деревни, беспрепятственно властвующей над крестьянским миром.

Партия вела неослабную борьбу с проявлениями буржуазных влияний на литературу — с формализмом, перевержиной, теориями интуитивизма, со всеми враждебными попытками обособить художника от революционной практики, деидеологизировать искусство. Она разбила эти теории окончательно и тем создала все условия идейного воспитания писателей, призванных быть инженерами человеческих душ.

Год «великого перелома», (1929) явился и для развития советской литературы датой знаменательной, переломной. В то время как ранее проблема «места поэта в рабочем строю», вопрос о судьбах искусства при социализме для ряда писателей носил остро дискуссионный характер и завершался подчас неверными выводами о разобщенности искусства и социализма, о забвении «вакансии поэта» (Пастернак), теперь страна социализма признана как родина подлинно творческой деятельности. Показателен в этом смысле путь О. Д. Форш (р. 1875 г.) — от повести «Сумасшедший корабль» к таким произведениям, как «Казанская помещица», «Радищев», от защиты ложно понятой свободы искусства к познанию связи творчества с жизнью народа и его борьбой, к стремлению дать правдивую картину исторического прошлого. Если в «Зависти» Ю. Олеши поэтизировал позицию индивидуализма, признавая законным бунт личности против общества, «заговор чувств», то в пьесе «Список благодетелей» он развенчивает иллюзии индивидуализма, показывает несовместимость подлинного искусства и капитализма. Б. Пастернак в книге сти-

Для большинства писателей становится ясным, что только партия большевиков, только социалистическая революция способна творчески преобразовать мир, до конца очистить его от мерзости насилия и гнета. Этот поворот вызвал решительное изменение тематики творчества и идейного аспекта изображения жизни. Если раньше, раскрывая тему отношения интеллигенции к революции, писатели были сосредоточены, главным образом, на сфере субъективных чувств героя-интеллигента и давали действительность в качестве фона, то теперь первенствующее значение приобретает сама картина объективной жизни, изображение революционной действительности.

Результатом этих сдвигов явился распад ряда литературных групп — конструктивистов, «ЛЕФ'а», «Перевала». РАПП стала тормозом дальнейшего развития советской литературы; ее руководство, куда пробрались троцкистские агенты, толкало пролетарских писателей на путь изоляции, цеховщины. ЦК ВКП(б) специальным постановлением от 23 апреля 1932 г. ликвидировал РАПП; была произведена перестройка литературно-художественных организаций. В постановлении отмечалось, что развитие литературы значительно обогнало организационные формы, в которых оно шло, и из средства, помогающего этому развитию, они превратились в окопы: «рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций... становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества». Решение ЦК ВКП(б) положило начало объединению советских писателей в единый союз, деятельность которого имеет своей целью широкое и свободное развитие социалистической литературы. В августе 1934 г. происходил 1-й Всесоюзный съезд советских писателей, демонстрировавший сплоченность советских писателей вокруг партии Ленина — Сталина. Съезд явился важнейшей вехой для развития советской литературы, объединенной своим социалистическим, подлинно интернациональным духом. Попытки врагов революции использовать трибуну съезда для проповеди своих теорий были разбиты, и съезд подтвердил неизбежность ленинского принципа большевистской партийности для всей творческой деятельности писателей.

На фронте литературы развертывается борьба против формализма и натура-

тила писателей к богатейшим источникам русского языка и явилась образцом конкретной борьбы в литературе с натуралистическим извращением, с одной стороны, и формальным трюкачеством — с другой. Борьба с вульгарным социологизмом, разоблачение его антинаучной, антиленинской сущности стала условием настоящего освоения культурного наследия. Освоение это приобретает широкий, массовый характер, становится общенародным делом. Это было продемонстрировано широким празднованием всей страной, немыслимым для стран капитализма, юбилеев Пушкина, Шевченко, Шота Руставели, Коста Хетагурова и других.

Усиление героических мотивов составило отличительную черту литературы нового периода. Оно было обусловлено теми решительными сдвигами, которые внесла в жизнь победа социализма, окончательная ликвидация капиталистических элементов в стране. Новое значение приобретает труд, который стал теперь «делом чести, славы, доблести и геройства», породил стахановское движение. Героизм людей эпохи социализма (эпопеи челюскинцев, папанинцев, седовцев, знаменитые перелеты через Северный полюс) — реальное проявление нового, социалистического их качества. Образ человека-победителя, человека-героя становится центральным в литературе нового типа. Э. Багрицкий публикует книгу стихотворений «Победители». «Механики, чекисты, рыбоводы» — герои этой книги, олицетворяющие самоотверженный труд, творящие мир заново. Этой книгой стихотворений Э. Багрицкий обозначил решительный переход от прежней характерной для него отвлеченной, идиллической романтики к романтике героической. Образы победителей дает В. Луговской в книге «Большевикам пустыни и весны». Галерея людей-победителей проходит в книгах К. Г. Паустовского (р. 1893 г.) «Кара-Бугаз», «Колхида». Л. Леонов в своих романах «Скутаревский», «Дорога на океан» в образах Скутаревского, Курилова, Протоклитова пытается показать победу новых начал. Однако картины будущего в «Дороге на океан» композиционно не слиты с повествованием о судьбах героев. Герои Леонова и в этом романе сохраняют в себе черты «подпольных» людей. О мужественных людях, о поколениях строителей и защитников социализма пишет П. А. Павленко (р. 1899 г.) в романе

«На Востоке». Предельно ярко показал черты новой героической личности, рожденной и сформированной великой социалистической революцией, писатель-герой Н. А. Островский (1904—1936) в своем романе «Как закалялась сталь». В произведениях на первый план выдвигаются человеческие характеры, субъективные человеческие силы, сознательной целеустремленной деятельностью обеспечивающие победу.

Писатели ярко и отчетливо вскрывают в своих произведениях высоко гуманистическое содержание социалистической революции. Вновь большое значение приобретает в литературе тема гражданской войны. М. А. Шолохов (р. 1905 г.) заканчивает многотомную эпопею «Тихий Дон»; А. А. Первенцев (р. 1905 г.) создает пафосно-романтич. картину борьбы на Украине — «Кочубей»; Вс. Иванов публикует «Пархоменко»; к двадцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции А. Толстой пишет произведение о героической обороне Царицына «Хлеб»; Н. Е. Вирта (р. 1906 г.) в романе «Одиночество» показывает борьбу революционного народа с антоновщиной; А. Фадеев заканчивает роман о гражданской войне на Дальнем Востоке — «Последний из Удэге». Различие между первым и вторым обращением писателей к теме гражданской войны заключается в том, что если на первом этапе преобладал аналитический подход писателя к материалу (Фурманов — «Чапаев», «Мятеж»; Фадеев — «Разгром»), то теперь внимание писателей перенесено на проявления народного героизма, и в соответствии с этим заметно усилена роль романтической тенденции в произведении. Подчеркнуто романтично повествование и Первенцева и Павленко. Романтическая тенденция заметно усилена также в романе Фадеева «Последний из Удэге». Однако увеличение роли и значения романтической тенденции в некоторых случаях влекло за собой, может быть и неожиданно для писателя, схематизацию явленной действительности, слишком обобщенную их характеристику. Следы этой схематизации сказываются в романе Павленко «На Востоке», в пьесах В. Вишневского (см. ниже) и др.

Усиление народно-героических мотивов в литературе сказалось также в том, что значительно расширились пределы изображаемого в произведении действия. Если в «Разгромах», например, Фадеев описывал деятельность одного партизанского отряда, затерянного в тяжелых

тизанского отряда Гладких, сучанских углекопов, хунхузов, показывает борьбу подпольного большевистского комитета, ревкома и т. п. Широкою картиною эпохи дали А. Толстой в «Хлебе» и В. П. Катаев (р. 1897 г.) в повести «Я, сын трудового народа».

Расширение масштабов действия явилось показателем обогащения советской литературы, развития в ней эпических свойств. Эпическое действие, поставленное теперь в центре внимания писателя, позволяет ему ярче изобразить идею победоносной силы революции и помогает ему освободиться от черт описательности, фактографичности. Повышение удельного веса и значения эпического действия подчеркнуло в то же время присущий советской литературе историзм. События героической борьбы даются в исторической перспективе, сохраняют исторический колорит. Таковы «Пархоменко» Вс. Иванова, «Кочубей» Первенцева и др. произведения на историко-революционные темы.

Эти свойства советской литературы ярко представлены творчеством М. Шолохова. Уже первая книга его романа «Тихий Дон», вышедшая в 1928 г., отмечена эпической полнотой повествования. Хотя экспозицию своей эпопеи Шолохов развертывал в плане семейно-бытовых проблем, но сразу же за семейно-бытовыми конфликтами вскрывались конфликты социальные, исторически существенные, и «Тихий Дон» стал подлинной эпопеей казачества эпохи социалистич. революции. Острая драматическая коллизия — основа сюжета. Крушение традиционных сословно-казачьих представлений, веками прививавшихся казачеству правящей кликой, иллюзорность «тихого» Дона, взбаламученного подземными ключами, потрясенного революцией, новой правдой, сила этой новой правды большевизма — такова коллизия эпопеи. Шолохов с большой силой и смелостью художника создает человеческий документ об «утраченных иллюзиях», иллюзиях цепких, мучительных, задерживающих приход людей к живой, свободной жизни и счастью. Ход развития действия подчинен в «Тихом Доне» историческому процессу, эпопея вбирает в себя обширный исторический материал, подлинных лиц (Краснов, Каледин, Корнилов, Подтелков и др.), достоверные факты.

«Поднятая целина» Шолохова говорит о «великом переломе» — о коллективизации и ликвидации на ее основе послед-

простой зарисовкой наблюдаемых явлений. Здесь дано художественное обобщение большой силы, а в ряде случаев Шолохов превосходит реальные процессы действительности. Так, в изображении тактики врагов, в характеристике Островнова, Половцева с их методами диверсии, приспособленчества Шолохов раскрыл такие черты, которые обнаружались лишь позднее. Созданный Шолоховым образ Кондратия Майданикова явился непревзойденным изображением типа крестьянина, утрачивающего вековую скованность чувством собственничества. В Давыдове и Нагульнове, этих, казалось бы, обычных средних людях, Шолохов сумел разглядеть высокое проявление человеческих чувств, силу принципов большевистской партийности. Живое ощущение полноты жизни, непобедимости революции, ее глубоких народных корней составляет основной тон повествования, в котором драматические сцены сопровождаются сценами юмористическими (дед Шукарь и др.). Среди произведений о советской деревне роман Шолохова по праву занимает первое место. Ярким произведением о коллективизации деревни был также «Разбег» В. П. Ставского (р. 1900 г.). Свою многотомную эпопею («Бруски») о путях развития русской деревни, занявшую видное место в советской литературе, продолжает Ф. Панферов. Ее отличает внимательное отношение писателя к многообразным фактам живой истории. Тема человека — творца, победителя звучит в 4-й книге, вышедшей под характерным заголовком «Творчество». Но в то же время перегрузка книги второстепенным материалом приводила к описательности как главному принципу развития сюжета. Значительным явлением советской поэзии, посвященной теме социалистического строительства в деревне, была поэма А. Т. Твардовского (р. 1910 г.) «Страна Муравия». Лиризм, наблюдательность, эпический характер развития сюжета отличают поэму Твардовского — одного из ярких представителей поэзии нового этапа, народной, глубоко гуманистической.

Индустриализация страны вызвала к жизни целый ряд романов, насыщенных пафосом социалистической стройки. Характерными произведениями этого цикла «индустриальных» романов явились «Гидроцентраль» М. С. Шагинян (р. 1888 г.; см.), «Время, вперед» В. Катаева, «Большой конвейер» Я. Н. Ильина (1905—1932), «Велючая ось» В. П. Ильенкова

ковостью повествования, перегруженностью материалом, большим количеством специальных сведений научно-технического порядка, подробными описаниями материальной стороны производства.

Очерковый характер носят также повести К. Паустовского «Кара-Бугаз» и отчасти «Колхида». Раннее творчество Паустовского шло под знаком романтики и, главным образом, той ее вариации, которую представило творчество А. С. Грина (повесть Паустовского «Романтики», 1917—1923). Но если Грин (1880—1932) в своем стремлении к красоте уходил от действительности в создания чистого вымысла, то Паустовский не перестает искать путей сближения с действительностью. Формой этого сближения и была для Паустовского подчеркнутая ориентация на факты, на достоверное знание, науку. Повесть его «Кара-Бугаз» представляет собой такое сочетание лирических начал с логически выверенными положениями, с подробными описаниями природных ресурсов. Но в повести эти две стороны развития замысла лишь сосуществуют, не создавая органически целого явления. В «Колхиде» хотя и остается очерковость, но одновременно намечается и преодоление ее через более углубленное изображение людей и подчеркивание, в качестве основного, мотива человеческого счастья.

В повести В. Катаева «Время, вперед» встают очертания стройки, проходят широким потоком люди-строители, передано напряженное строительство. Здесь также доминирует принцип эпизодичности действия, очерченного калейдоскопично, подчиненного непосредственно жизненному материалу. Поворот к очерковости наметился и у Вс. Иванова («Записки бригадира Синицына»). Тем же характером было отмечено начало творческого пути драматурга Н. Ф. Погодина (р. 1900 г.). Его пьесы «Снег», «Поэма о топоре», «Мой друг» отличаются эпизодичностью действия. Широкий поток людей — сезонников, кадровых рабочих и т. п. — проходит в пьесах. Пьесы новы по композиции. Погодин мастерски изображает массу — говорливую, шумную, изменяющуюся. Но эта свежесть передачи жизни, жадность драматурга к обильно представляемому материалу не компенсировалась глубиной идейного освоения жизни. Пьеса «Аристократы» обозначила отход драматурга от увлечения красочным материалом в сторону более глубокой трактовки характеров и действий. Не

Наиболее ярко этот поворот от внешнего описания к изображению человеческих судеб выявился в последнем произведении А. Г. Малышкина (1890—1938) «Люди из захолустья». Путь Малышкина весьма характерен для многих советских писателей. Первое его большое произведение «Падение Даира» шло по линии романтичного утверждения революции. Штурм Перекопа вставал со страниц этого произведения как общенародное действие. В годы социалистической реконструкции Малышкин опубликовывает второе большое произведение, также прочно вошедшее в актив советской литературы, — роман «Севастополь». На место романтики здесь становится реалистическое повествование, аналитический подход к действительности. Крушение мелкобуржуазных иллюзий, показ сближения интеллигенции и народа — таково содержание «Севастополя». Своим романом Малышкин выставлял требование глубокой идейной перестройки интеллигенции как непременное условие ее жизни, ее роли в истории, ее человеческого достоинства. «Люди из захолустья» — третье большое произведение Малышкина, хотя и не оконченное, но знаменательное для нового состояния литературы. С вниманием и чуткостью вдумчивого художника показывает Малышкин, как из отсталых, серых людей в обстановке социалистического труда и борьбы рождаются новые люди, как проходит процесс переделки человека. Перековка человеческого материала раскрыта писателем как процесс возвращения человеку его подлинно человеческих чувств.

Тема счастья зазвучала теперь в советской литературе во весь голос. Эта тема была выношена еще В. Маяковским, нашедшим ясную поэтическую формулу новых богатых чувств человека — гражданина своей социалистической родины, частицы великого, пересоздающего мир, класса («Я счастлив, что я этой силы частица, что общие даже слезы из глаз. Сильнее и чище нельзя причаститься к великому чувству по имени класс»). В годы сталинских пятилеток, когда социализм вошел в быт, когда народы Советского Союза зажили счастливой, свободной жизнью, развитие этой темы в литературе получило широкую материальную предпосылку. Тема счастья придала полнокровие и красочность народному творчеству. В национальных республиках страны, жизнь создает бес-

песни в честь Сталина, кому обязаны народы своим счастьем, в ком заключен разум истории. Социализм, открывающий неограниченные просторы для творческой деятельности людей, дал необычайный толчок для развития устного народного творчества. Ломаются старые формы и создаются новые жанры. Складываются новые героические песни и сказания о Ворошилове, Буденном, Чапаеве, Щорсе. Складываются рассказы очевидцев—участников героической борьбы народа за социализм. В этих сказках ярко определились черты советского эпоса. В полных глубокого лирического воодушевления песнях-плачах о Ленине, о Кирове выразились особенности советского фольклора. Эти плачи — не традиционные причитания, а размышления о судьбах страны с огромным чувством ответственности певца за дело революции, за дело партии. Повсеместно выявились талантливые создатели фольклора — беломорская сказительница М. С. Крюкова, М. Коргуев, Конашков, Беззубова и др., отмеченные высокими наградами за выдающуюся творческую деятельность. А. М. Горький проделал исключительную по своему значению работу по соединению и творческому сближению устного народного творчества и профессиональной литературы. Тесное, постоянное взаимодействие советского фольклора и литературы создало предпосылку для развития и обогащения их, для наиболее полного выражения в них черт народности.

В поэзии широкое развитие получила *песня*. Ее создатели — В. И. Лебедев-Кумач (р. 1898 г.), Н. Асеев, М. Голодный, А. Сурков, М. Исаковский и др. — выражают чувства советского патриотизма, безграничной любви к своему социалистическому отечеству, к вождю народов Сталину. Гражданский пафос песен — показатель общего процесса усиления народно-героических мотивов в литературе. Множество поэтических формул, особенно из песен Лебедева-Кумача, вошло в повседневный быт, приобрело значение поговорок.

Тема счастья, радости побед составила основу выдающихся произведений эпохи — «Как закалялась сталь» Н. А. Островского и «Педагогической поэмы» А. С. Макаренки. Произведения эти своеобразны по жанру, и автобиографический момент играет в них большую роль, однако повествование не сводится

ветской молодежи. Воспитательное значение его получило подтверждение в потоке восторженных отзывов читателей, в их стремлении взять для себя образцом поведение Павла Корчагина. В Корчагине Н. Островский воплотил лучшие духовные силы представителя революционной пролетарской правды. Личное мужество, бескорыстное служение революции, большевистская непримиримость к врагам ее, кровное родство с народом, высокая требовательность к себе и к людям — таковы черты Павла Корчагина, характер которого автор раскрывает в процессе его постепенного формирования. Павел Корчагин не одинок, он только лучший представитель целого поколения борцов за социализм. Жизнь этого поколения полна труда и борьбы, великих лишений и мук, но люди закаляются в этой обстановке и становятся героями в глубоком смысле слова. В романе «Как закалялась сталь» с полнотой и жизненной убедительностью разрешена центральная проблема всей советской литературы — проблема создания положительного, героического образа. Широкая историч. перспектива, эпическая полнота, реалистическая очерченность образов сочетаются в романе Островского с романтически приподнятыми описаниями, с лирическими отступлениями, придающими всему повествованию бодрый, оптимистический тон. Пафосом борьбы, верой в могущество революции веет от произведений Островского. Они насыщены ощущением огромного счастья — жить, творить в эпоху социализма. Остался незаконченным второй роман Островского «Рожденные бурей», посвященный начальным годам революции и ее отражению в панской Польше. В романе «Рожденные бурей» Островский дает поколение борцов, людей, олицетворяющих новую правду жизни, беззаветно преданных революционному делу (Раевские, Птаха и др.), и показывает духовную опустошенность, моральное вырождение представителей классов эксплуататоров (Могельницкие и другие).

В «Педагогической поэме» А. С. Макаренки (1888—1939) показана воспитательная сила советского общества, подталкивающего к жизни, к счастью, к творческой деятельности искалеченных безнадзорностью детей. Мотив радости, рожденный преодолением трудностей, ярко звучит в книге.

В произведениях писателей, пришедших в литературу за последние годы

(псевд. Ю. С. Беклемишева; р. 1908 г.) — «Танкер Дербент»; Л. В. Соловьев (р. 1906 г.) — «Высокое давление»; стихотворения В. М. Гусева (р. 1909 г.), К. М. Симонова (р. 1915 г.), Е. А. Долматовского (р. 1915 г.), А. Т. Твардовского, М. Голодного, М. В. Исаковского (р. 1900 г.), страна социализма рисуется как страна счастья, молодости. Чаще всего герой этих произведений — обычный советский человек. Столь же обычна и обстановка действия; это — стройка, предприятие, социалистическое соревнование, труд. Но авторы этих произведений, далеко не однозначных по литературным достоинствам, сумели раскрыть в этой привычной обстановке ростки нового, все более ясно ощутимого характера жизни. Они подчеркнули в своих героях их волю к жизни, к творчеству, чувство коллективизма, ощущение полноты жизни, радости, рожденной условиями сознательного свободного труда. Тема завоеванного счастья, осуществления идеала свободного творческого выражения личности стала, таким образом, одной из важнейших тем литературы нового этапа.

Под знаком народно-героических мотивов идет развитие драматургического творчества В. В. Вишневского (р. 1900 г.). В обобщенных очертаниях показывает он в своих пьесах — «Первая конная», «Оптимистическая трагедия» и др. — героические сцены борьбы, моральную силу революционеров. Но драматургии Вишневского недостает жизненной полноты, она часто тяготеет к схеме, к условному обозначению.

Расширение реалистической базы советской литературы и усиление в ней мотивов народно-героических особенно рельефно сказались на судьбах *исторического романа*. Рост социалистического самосознания масс не мог не вызвать потребности понять смысл и значение прошлых этапов борьбы, революционно переоценить прошлое. Лучшие советские исторические романы воспитывают любовь к родине, к замечательным страницам ее истории, к ее настоящему социалистическому расцвету. На развитие исторических повествований непосредственное и благотворное воздействие оказали замечания тт. Сталина, Кирова, Жданова по поводу конспектов, учебников истории СССР и новой истории. Руководствуясь этими указаниями, советская литература освобождалась в разработке исторической темы от вульгарно

вляла принцип художественного правдивого отображения прошлого.

Уже на первом этапе историческая тема привлекала внимание писателей, но интенсивный характер развития жанра исторического романа получает после года великого перелома. Период победы социализма внес качественные изменения в разработку исторической темы в художественной литературе. Создаются исторические романы Ю. Н. Тынянова (р. 1894 г.; см.), О. Форш, «Петр Первый» А. Толстого, «Разин Степан» А. П. Чапыгина (1870—1937 г.; см.), «Повесть о Болотникове» Г. П. Шторма (р. 1898 г.) и др. Ю. Тынянов, в период написания «Восковой персоны», «Поручика Киже» (1930—1933 гг.) находившийся в плену формализма, перенес формалистические принципы в художественную интерпретацию исторических явлений. Чисто внешние принципы изображения прошлого — филигранное воспроизведение исторических деталей, умелое использование языкового своеобразия описываемой эпохи — в этих произведениях преобладали над задачами глубокого постижения исторической правды, в противоположность первым романам Тынянова — «Кюхле» (1925) и «Смерти Вазира-Мухтара» (1929), в которых звучал негодующий пафос автора против произвола, насилия и с глубокой проникновенностью рисовалось трагическое состояние личности в царской России времен николаевского деспотизма. В романе «Пушкин» (1938) Тынянов достигает еще большей реалистич. простоты. В раскрытии характеров Тынянов освобождается от условностей, от необходимости прибегать к маскам, к гротеску и ведет теперь повествование таким образом, что оно воссоздает колорит изображаемой эпохи, ее историческое своеобразие и открывает вместе с тем широкую историческую перспективу. В творчестве О. Форш отвлеченно-гуманистические позиции также сменяются четкой классово-исторической точкой зрения («Казанская помещица», «Якобинский заквас»).

Роман «Петр Первый» (2 ч., 1929—1934) А. Толстого решительно отличается от всего написанного им ранее на тему петровской эпохи («День Петра», «На дыбе» и др.), хотя в романе воссозданы те же персонажи и те же историч. события. Эпоха Петра представлена как по своему величественная эпоха перестройки России, как существенный этап развития государства. В романе воссоздана сложная социальная атмосфера конца

дан как образ исторического деятеля, как личности творческой, целеустремленной, хотя в изображении Петра, в нарочитой подчеркнутости его связи с купечеством и сказалось влияние социологических схем. В отличие от писателей, создававших историко-биографические романы (Тынянов, Штурм и др.), А. Толстой имеет в виду в первую очередь политическую сторону истории. В этом своеобразии места А. Толстого в разработке исторического жанра.

Знаменательно обращение к историческому прошлому для С. Н. Сергеева-Ценского (р. 1876 г.; см. XXVIII, 390). Сергеев-Ценский как писатель сложился в предреволюционных условиях и в своем творчестве испытывал зависимость от упадочных течений литературы эпохи реакции. В его произведениях проходит целая галерея людей обреченных, безвольных, отданных во власть слепых инстинктов. «Севастопольская страда» (1938—1939) в творческом пути Сергеева-Ценского — явление необычное. С эпической полнотой, многосторонностью показывает Сергеев-Ценский одну из наиболее ярких страниц народного героизма — оборону Севастополя.

Тема исторического прошлого дала толчок не только развитию современной прозы, но заняла видное место и в поэзии. К. Симонов обращается к Суворову, П. Г. Антокольский (р. 1896 г.) создал поэму о Франсуа Вийоне. В творческом пути И. Сельвинского поэма о Болотникове «Рыцарь Иоанн» является несомненной удачей. Присущая Сельвинскому тяга к эпической форме поэзии здесь, в разработке исторической темы, нашла свое выражение.

В новой обстановке обострения международного положения с началом второй империалистической войны исключительное значение в советской литературе приобрела оборонная тема. Еще в 1933 г. был организован журнал «Знамя», призванный объединить работу писателей над оборонными темами. В активе творческой деятельности писателей над военными темами такие произведения, как «На Востоке» П. Павленко, «Слава» В. Гусева, «Бойцы» Б. С. Ромашева (р. 1895 г.) и др., а также целая серия романов о прошлом русской армии и флота. Здесь наиболее замечательны: «Цусима», «Бегство» А. С. Новикова-Прибоя (р. 1877 г.), «Капитальный ремонт» Л. С. Соболева (р. 1898 г.), «Солдатская слава» С. Н. Голубова (р. 1894 г.) и др.

Украины и Западной Белоруссии, война с белофиннами для обеспечения безопасности сев.-зап. границ СССР — находят свое отражение в литературе. Писатели и поэты в своих произведениях выражают идеи советского патриотизма, готовность до конца бороться за счастье своей родины.

Широкое развитие получает детская литература. Плодотворна деятельность старшего поколения детских писателей — К. И. Чуковского (р. 1882 г.; см.), С. Я. Маршак (р. 1887 г.); за годы революции выдвинулись новые талантливые детские писатели — Л. А. Кассиль (р. 1905 г.), С. В. Михалков (р. 1913 г.), Л. Квитко (р. 1895 г.), А. Л. Барто (р. 1905 г.), Б. С. Житков (1876—1938), А. П. Гайдар (р. 1904 г.) и др.; у ряда других советских писателей есть стремление писать для детей (В. Катаев, К. Паустовский, М. Зощенко, Р. Фраерман и др.). Партия уделяет особое внимание воспитанию новых поколений, неустанно работает о детях. В этих условиях задача создания детской литературы приобрела особую актуальность. Детские писатели призваны отразить в художественных образах, в доступной, ясной для детей форме, абсолютно чуждой упрощенчества, сентиментальности (что было характерно для традиций детской литературы, выработанных в предреволюционную эпоху писателями вроде Лукашевич, Чарской и др.), богатство общественной жизни современности, привить детям чувство гордости за свою родину, воспитать детей в духе социализма. Созданные за короткий промежуток времени произведения детской литературы заслуженно пользуются любовью юного читателя.

Партия вела и ведет советских писателей к новым творческим завоеваниям. Мобилизуя «звонкую силу поэта» на решение коренных задач социалистического переустройства мира, партия открыла тем самым широкие перспективы для творческого расцвета литературы, обеспечила свободное соревнование творческих направлений на основе социалистического реализма.

Литература Ленин В. И., «Партийная организация и партийная литература», Соч., 3 изд., т. VIII; Сталин И. В., «Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б)», в его кн. «Вопросы ленинизма», 11 изд., [М.], 1939; Горький М., «О литературе», 3 изд., М., 1937; его же, «Литературно-критические статьи», М., 1937; его же, «Советская литература», [Доклад на I Всесоюзном Съезде сов. писателей], [М.], 1934; Луначарский А. В., «Статьи о Горьком», М., 1938; Нусинов И. М.,

«Литературные очерки», М., 1938; его же, «Советский исторический роман», М., 1936; Тренин В. В., «В мастерской стиха Маяковского», М., 1937; Трезуб С. А., «Николай Островский», М., 1939; «Борьба за стиль», Сб. статей, [Л.], 1934; «Образ большевика» [в советской литературе], Сб. критических статей, Л., 1938; Вальбе Б. С., «Алексей Павлович Чапыгин. Жизнь и творчество», [Л.], 1938; Гурич А. С., «В поисках героя», Лит.-критические статьи, М.—Л., 1938; Перцов В. О., «Этюды о советской литературе», М., 1937; его же, «Наш современник» (О В. В. Маяковском), М., 1940; Усиевич Е., «Писатели и действительность», М., 1936; ее же, «Пути художественной правды», М., 1939; Фадеев А. А., «Литература и жизнь», [М.], 1939; Мещер П., «А. Н. Толстой», Л., 1939. Е. Ковальчик.

Русская музыка. I. С XI века до зарождения русской классической музыки. Киевская Русь (XI—XII вв.). О музыке языческой Руси можно судить лишь по немногим вещественным памятникам, найденным во время раскопок (например, турьи рога X века, колокольчики, бубенчики), а также по упоминаниям греческих историков о музыкальности восточных славян и о наличии у них гуслей. Остатки старых обрядовых песен и былин в записях XIX в. дают менее надежные показания. Вместе с принятием христианства (988—990 гг.) правящие классы Киевской Руси заимствовали из Византии придворную музыку и греческое церковное пение. Актеры, музыканты, акробаты, участвовавшие в придворных церемониях в Константинополе, по-видимому, перекочевали и к киевскому великокняжескому двору. Изображение таких актеров-скоморохов (название также, вероятно, византийского происхождения, см. XXXIX, 266) находится на фресках XI в. киевского Софийского собора. В житии Феодосия Печерского есть упоминание о светской музыке при дворе киевского князя XI в. Святослава Ярославича, что возбудило неудовольствие аскета-монаха Феодосия. Последний застал на пиру у князя «игрецов», «гуслями гласы испускающе», «органные гласы поюще, а инем замарьныя писки гласящем». В русских летописях и в «Слове о полку Игореве» не раз упоминается о наличии в княжеских походах военной музыки. Во время похода Святослава (960 г.) в Болгарию «поиде полк по полце, бьюще в бубны и в трубы и в сопели». Число труб и бубен доходило по данным летописи в войсках до 140. Светская музыка неизменно вызывала к себе отрицательное отношение и гонение со стороны духовенства, воздействовавшего в этом отношении и на княжескую власть.

греческими и болгарскими церковными певцами, обучавшими русских клириков. Нотация («знамя» — знак) церковно-певческих книг, заимствованная из греческих церковно-богослужебных книг, не указывала высоту тона, а лишь мнемонически давала намек на целые мелодические периоды. Пение было одноголосным, то речитативного склада, то более торжественное (т. наз. «демественный» распев; ср. XVIII, 202), с элементами колоратуры на гласных. К концу XI — началу XII вв. относятся первые попытки русских церковно-певческих сочинений (службы Борису и Глебу и Феодосию Печерскому). Византийско-болгарские напевы подверглись постепенному обрусению, воздействию русских песенно-бытовых напевов (см. русская народная песня), знакомых церковным певчим. Так наз. «осьмигласие» в русской церковно-певческой практике усвоено было не как система восьми ладов, а как сумма тех или иных мелодических оборотов (в некоторых «гласах» число их доходило до сотни). Близость текста «Слова о полку Игореве» к позднейшим записям былин позволяет предполагать, что Игорь певец фиксирует фольклорную традицию певцов-импровизаторов Киевской Руси, воспевавших подвиги богатырей, защитников рубежей родной земли. Наследием этого героического эпоса и являющиеся былины киевского цикла, сохранившие его древнейшие черты и сюжетную основу.

Великий Новгород. Торговые сношения с Западом, вечаево выборное правление отразились и на музыкальном быту Великого Новгорода (до его покорения Москвой в 1478 г.). Скоморохи, гусельники играют здесь более значительную и почетную роль, чем в Киеве, что видно из былин о гуслярах Василии Буслаеве, Садко, госте Терентье (историчность первых двух засвидетельствована летописью; оба они жили в середине XII в.). Былины новгородского цикла отличаются от киевских более живыми, подвижными и энергичными напевами; это былины типа новелл с элементом приключений и фантастики. В новгородских рукописях в украшениях букв часто изображаются треугольные и овальные гусли, а также фигуры людей с длинными трубами. В письменных памятниках имеются указания на существование специально новгородских церковных распевов. Впоследствии (в конце XVI в.) из Новгорода вышел знаменитый изобретатель новых нотных знаков (дополнитель-